

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-130-138

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ПРОСТОРЕЧНОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Холодкова М.В.

*Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
392036, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются функционально-семантические особенности просторечной лексики, отличающейся на современном этапе развития языка диффузностью. Анализируются явления перехода нейтральных лексем на периферию литературного языка за счёт распространения вторичных просторечных и жаргонных значений (*жрать, ржать, достать* и т. п.). Показана специфика функционирования десемантизированных просторечных глаголов, которые обозначают действия гиперболизированные, энергичные, совершаемые увлечённо (*махнуть, чесать* и др.). Проведен лингвистический эксперимент на основе данных Национального корпуса русского языка и выявлены случаи перераспределения нейтральных и просторечных значений (*ржать, подохнуть, пахать* и т. п.). Результаты работы могут способствовать более глубокому осмыслению состояния современного русского языка и найти применение в лексикографическом отражении экспрессивного просторечия.

Ключевые слова: экспрессивное просторечие, метафорический перенос, десемантизация, Национальный корпус русского языка.

FUNCTIONAL-SEMANTIC SPECIFICITY OF THE COLLOQUIAL VOCABULARY IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

M. Kholodkova

*Derzhavin Tambov State University
33, Internatsionalnaya st., Tambov, 392036, Russian Federation*

Abstract. The article considers functional and semantic features of colloquial vocabulary which differs at the present stage of development of the language by diffusion. The phenomena of transition of neutral lexemes to the periphery of the literary language due to a distribution of secondary colloquial and slang meanings are analyzed (*жрать, ржать, достать*, etc.). The article shows the specifics of the functioning of desemantized colloquial verbs which indicate exaggerated, vigorous actions, made with enthusiasm (*махнуть, чесать*, etc.). The linguistic experiment on the basis of data of the National Corpus of the Russian Language is made and cases of redistribution of neutral and colloquial meanings are revealed. The results of the work can promote a deeper assessment of the condition of modern Russian and find application in the lexicographic presentation of the expressive colloquial speech.

Key words: expressive vernacular, metaphorical figurative sense, desemantization, National Corpus of Russian Language.

Современное состояние русского языка характеризуется заметными лексическими изменениями, к числу которых относятся, по определению Н.Е. Сулименко, «внутренние заимствования» [9] слов внутри системы: наблюдаются переходы лексических единиц из одной подсистемы языка в другую, например, из жаргона или литературно-разговорной речи в просторечие. Просторечие оказывается в центре внимания, что объясняется его особым промежуточным положением в структуре языка. Именно на границах просторечия фиксируется наибольшее число переходных, диффузных лексико-семантических явлений, которые становятся источником нарушений экологичности языка и речи.

В лингвистических исследованиях начала XXI в. [13; 17] отмечается динамика явления русского просторечия и наблюдается изменение понимания его, отношения к нему. Другой подход к просторечию замечен уже в названии одной из современных монографий: «Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен» [13]. О высокой изменчивости просторечного материала и его использования свидетельствуют отличия в лексикографическом отражении просторечия в разных словарях [15].

Актуальность данной работы связана с лингвоэкологическим направлением в изучении состояния русского языка и речи на современном этапе и диктуется необходимостью рассмотрения вопросов расширения лексического состава просторечия, актуализации грубых значений отдельных слов, процессов перераспределения активности прямых и переносных значений

у некоторых слов, явлений десемантизации.

Объектом нашего исследования стало т.н. «литературное» (Ф.П. Филин [11]), или «экспрессивное» (А.Н. Еремин [1]), просторечие – сниженный, эмоционально и экспрессивно окрашенный способ отображения действительности, который встречается в речи как образованных, так и необразованных людей при определённых обстоятельствах. Предмет изучения – функционально-семантические особенности экспрессивной просторечной лексики на современном этапе. Материалом исследования послужили записи живой речи носителей русского языка, художественные тесты XX–XXI вв., данные Национального корпуса русского языка [6] и словарей [2; 7; 12; 16].

Лексический состав русского просторечия формируется в большей степени за счёт развития экспрессивных значений нейтральных лексем путём метафорических переносов. Наиболее продуктивны так называемые «антропоориентированные» переносы: с животного, предмета или растения на лицо, например, *козёл* (бранное слово по отношению к мужчине), *свинья* («о неопрятном, грязном человеке; человеку, поступающем грубо, неприлично»), *пробка* («о глупом, непонятливом человеке»), *пила* («о сварливом человеке, непрерывно донимающем кого-либо попреками, придирками»), *дуб* («о нечутком, тупом, бесчувственном человеке») и другие. Типы таких переносов подробно описаны в научных работах [1; 3; 10]. Показательно, что подобные метафорические переносы в большинстве случаев характеризуются выраженной отрицательной оценочностью.

Так, в одном из исследований отмечается, что только 38 из 369 зооморфных обозначений человека не содержат явно отрицательной оценки денотата [10, с. 157].

Путём метафорического переноса по модели «животное – человек» образуется также определённый пласт глагольной лексики, обозначающей различные действия человека, например, *гавкать* («говорить злобным тоном, кричать, ругаться, скандалить»), *подохнуть* («умереть») и др.: – *Ты на меня не гавкай!*; – *У тебя уже постоянная прописка? – спросил Горохов. – Нету? Дак сиди тут и не гавкай* (Е. Богданов. Прописаны по лимиту); – *И говорят неприятности/ ты не подох ещё?* (Разговор с милиционером о телефонных хулиганах // Из коллекции НКРЯ. 2009).

Безусловно, функционирование лексемы в просторечном значении оказывает влияние на её статус в системе языка. Справедливо замечено, что «развитие эмоционально-оценочных сем в коннотациях, сопровождающих возникновение переносных лексико-семантических вариантов, отодвигает единицу на периферию литературного употребления, но делает её в то же время заметным средством создания экспрессии, динамики» [4, с. 23]. Вместе с тем, важно подчеркнуть, что некоторые лексемы и их просторечные значения широко используются в живой речи и художественных текстах, например, *козёл*, *подохнуть*, а некоторые функционируют в своих переходных значениях не так часто, например, *дуб*, *пила*, *гавкать*.

Исследование современной живой речи показывает, что в отдельных словах переносное значение вытесняет ос-

новное, в результате чего стилистически нейтральная лексема «заражается бациллой» грубости: в сознании многих носителей русского языка актуализируется экспрессивное значение слова. Убедительный пример – слово *козёл*, использование которого даже в первичном значении («домашнее или дикое животное») может вызвать смущение коммуникантов или стать источником комического в процессе диалога. Здесь логично привести рассуждения А.Е. Махова, выступающего на телеканале «Культура»: «Но в целом *козёл* имеет очень сильный позитивный смысл для средневековой культуры, и здесь мы снова сталкиваемся с тем феноменом, что животное воспринимается средневековым человеком совсем не так, как оно воспринимается нами. ... Для нас *козёл* – ну что-то такое совсем смешное, абсценное, такое вот – ну, что тут говорить?» [6].

Слово *жрать* («есть») носителем современного русского языка также воспринимается как просторечное или даже грубо-просторечное. В то время как один из этимологических словарей указывает на то, что первоначально *жрать* было стилистически нейтральной лексемой [16, с. 88]. Вместе с тем, в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой отражаются функционально-стилистические ограничения лексемы *жрать*, которая по отношению к животному определяется как нейтральная, а по отношению к человеку – как просторечная [7, с. 195]. Исходя из этого, в сообщении, например, рыбака о дорогой подкормке для рыбы «*Сами такую жрать не можем / а рыбу кормим*» *жрать* следует рассматривать как просторечное слово, а в высказы-

вании «*Картошку сажала / так её жук сожрал*» *сожрал* – как стилистически нейтральное. Однако, как нам представляется, в живой речи функционирование слова *жрать*, в том числе в разговоре о животном или насекомом, ограничено по причине актуализации грубого значения. Аналогичное смещение нейтрального значения экспрессивным, обусловленное спецификой узуса, можно проследить в лексеме *подохнуть*, которая также по отношению к животному в толковом словаре квалифицируется как нейтральная, а при характеристике человека – как грубо-просторечная [7, с. 178].

Специфика узуса позволяет отнести такие единицы, как *жрать*, *подохнуть*, к просторечным лексемам, а *гавкать* («говорить злобным тоном, кричать, ругаться, скандалить») – к имеющим просторечный лексико-семантический вариант.

Функционально-семантические изменения, наблюдаемые в стилистически нейтральных лексемах, могут быть обусловлены также актуализацией жаргонных значений. Очевидно, под влиянием жаргонных значений происходят семантические сдвиги в таких, например, лексемах, как *достать* («надоесть, довести до крайнего раздражения»), *тормозить* («не понимать, не соображать»), *грузить* («навязчиво сообщать что-либо ненужное или неприятное, озабочивать какими-либо проблемами»): – *Ты меня уже достал с разговорами*; – *Ты достал уже здесь всех со своим шоколадом!* («День радио», к/ф (2008)); – *Кашель достал уже...третий день уже...так горло дерёт...* (Разговоры на улице // Из коллекции НКРЯ. 2006); – *Лучше / кстати / заменить валерьянку на чай*

с мятой / если его выпьешь больше / чем нужно / ничего не случится / а если переборщишь с валерьянкой / начнёшь тормозить... (Разговор ульяновских студентов о подготовке к экзаменам // Из коллекции Ульяновского университета. 2007); – *Придёт такая домой и пойдёт своих грузить* (Разговор в вагоне метро // Из коллекции НКРЯ. 2007); – *И он меня так стал грузить!* – *Ну / грузить вас все будут* (Телефонный разговор // Из коллекции НКРЯ. 2005); – *Ой / только не надо меня грузить такими вопросами!* (Телефонный разговор // Из материалов Ульяновского университета. 2007). В целом имеет место активизация жаргонных значений приведённых глаголов в речи, что позволяет судить об изменении статуса данных лексических единиц в системе современного русского языка и определении их как жаргонно-просторечных. Подобные глаголы не могут быть признаны нейтральными по причине начавшегося в них процесса перераспределения активности нейтральных и жаргонных значений.

Кроме того, в лексическом пласте современного русского языка выделяется особая группа просторечных глаголов, которые отличаются семантической ёмкостью, например, *махнуть*, *рвануть*, *поливать*, *мести*, *дёрнуть*, *драть*, *дуть*, *врезать*, *чесать*, *бахнуть*, *наяривать*, *жахнуть* и т. п. Активное вхождение в речевую практику экспрессивных глагольных лексем, обозначающих широкий круг действий, исследователи связывают с ориентацией русской речи на повышенную «глагольность» [8, с. 21].

Проанализируем, какие значения может развивать, например, глагол *чесать* в художественных текстах, а так-

же в живой речи носителей русского языка. 1. 'Много говорить'. – **Чесать** языком можно много! (Домашний разговор // Из коллекции НКРЯ. 2005). 2. 'Разговаривать на иностранном языке'. – Патрик с ней на скамеечке сидит, по-английски **чешет** ... (С. Милов. Такая работа). 3. 'Стремительно убежать, уходить'. – Ладно, **чеши** отсюда! – приказал он, но голос звучал довольно миролюбиво (Ю. Нагибин. Тьма в конце туннеля). 4. 'Очень быстро ехать'. – Где это мы сейчас едем?.. Кусково! Мы **чешем** без остановки через Кусково! (В. Ерофеев. Москва – Петушки). 5. 'Ругать, подвергать критике кого-либо'. – Ира, не горячись. Ещё не известно, что за машина и кто был за рулем. А ты подумала, что скажут нам в районе? «Ещё одно ЧП в 302-й школе!» И будут нас **чесать** на каждой конференции (С. Кулиш. Автомобильная леди). 6. 'Петь, играть на музыкальном инструменте'. – Он так лихо **чесал** под фанеру, что, когда фонограмма неожиданно остановилась, он даже не смог достойно выйти из положения (из беседы о концерте). 7. 'Обыгрывать'. – Бразильцы в футбол всех подряд **чешут** (из беседы о футболе).

Приведённые лексические примеры можно определить как явления десемантизации [14], подчеркнув главное отличие десемантизированного слова от многозначного: десемантизированное слово обладает более широким комплексом значений, которые всегда обусловлены речевой ситуацией [5, с. 71]. Заметим, что в словарях фиксируются не все значения подобной лексики, а только те, которые получили распространение в речи и закрепились в сознании носителей языка.

Анализ десемантизированных лексем позволяет сделать вывод о широком распространении глаголов, указывающих на такие действия, как *бить*, *ударять*, *бежать*, *пить спиртное*. Причём подобные слова, как правило, передают действия гиперболизированные, совершаемые быстро, увлечённо, с азартом: так, например, если *бить*, то резко, *ударить* – сильно или неожиданно, *пить* – в большом количестве, *бежать* – энергично и т. д. Десемантизированные глаголы экспрессивного просторечия, указывающие на эмоциональное состояние человека или его отношение к происходящему, часто нарушают экологичность речи, а в некоторых случаях могут привести к непониманию в общении.

При определении статуса лексических единиц, имеющих просторечные значения, таких, например, как *ржать*, *подохнуть*, *грузить*, *достать*, *чесать*, *пила*, *дуб* и т. п., актуальным представляется вопрос выявления объективного критерия их просторечности. Просторечный статус подобных единиц обуславливается, на наш взгляд, степенью распространения их вторичных экспрессивных значений в живой речи, о чём свидетельствуют данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ), в частности, его устного подкорпуса, содержащего записи телефонных и домашних разговоров, разговоров в общественных местах, а также включающего транскрипты кинофильмов и т. д. [6].

Так, например, слово *ржать*, имеющее 2 значения: «1. О лошади: издавать характерные звуки. 2. Громко смеяться (прост.)» [7, с. 679], в устном подкорпусе НКРЯ зафиксировано в 22 контекстах, в которых встретилось только

одно словоупотребление в первичном значении. Остальные контексты иллюстрируют использование лексемы *ржать* в переносном значении. Приведём некоторые примеры: – *Да хватит ржать!* (Разговор сестёр по телефону // Из коллекции НКРЯ. 2015); – *Мы как начали ржать просто* (Телефонный разговор студентов // Из коллекции НКРЯ. 2009); – *Сейчас вот ты будешь ржать/ все так ржали/ подружка тоже ржала/ пока к ней та же обзьяна не пришла в нашем доме* (Разговор о видении // Из коллекции НКРЯ. 2008); – *Ну прекрати ты ржать-то хоть на секундочку* («Масяня», м/ф (2002–2008)) и др. Приведённые словоупотребления свидетельствуют о «заражении» нейтрального слова *ржать* «бациллой» грубости, возникшем по причине перераспределения активности первичного и вторичного значений. Замеченный в слове *ржать* семантический сдвиг позволяет отнести его к лексическому составу просторечия.

В результате проведённого лингвистического эксперимента на основе контекстов НКРЯ можно утверждать, что наличествует актуализация вторичных экспрессивных значений в таких лексемах, как *поддохнуть* («умереть»), *достать* («надоесть»), *париться* («волноваться»), *пахать* («тяжело работать, много и на совесть») и т. п. Для сравнения подчеркнём, что данные устного подкорпуса НКРЯ не подтверждают активизацию в современной речи просторечных значений слов *дуб*, *пила*, *гавкать*. Это доказывает, что они не относятся к просторечным лексемам, а являются просторечными лексико-семантическими вариантами.

Очевидно, диффузный характер имеют и экспрессивные лексические единицы, которые являются следствием словообразования в ходе языковой игры, например, *позвоночник* («о человеке, который добился чего-либо по звонку влиятельного лица»), *садист* («хозяин сада»), *чайник* («о человеке, который любит чай»). Заметим, что представленные значения по причине их окказиональности не нашли отражения в контекстах устного подкорпуса НКРЯ [6]. В художественном тексте зафиксировано такое словоупотребление: – *Первым, кому открылся Иван, купив участок в коллективном саду, был его заместитель. – Значит, садистом стал? – уточнил тот с какой-то нехорошей усмешкой. – Ох, Иван Алексеевич, замучаешься ты с этим садом!* (М. Чванов. Во саду ли, в огороде...). Отличительной чертой данных слов является отсутствие в их значениях внутренней, семантической связи с соответствующими нейтральными словами, ввиду чего их правомерно рассматривать как экспрессивные омонимы. Данные единицы сопровождаются разными пометами в словарях: «просторечное», «ироническое, разговорное», «шутливое, разговорное» [2; 12], что объясняется неопределённостью их функционально-стилистического статуса в системе русского языка. Рассмотренные слова, характеризующиеся стилистической сниженностью, относятся к разговорно-просторечной лексике.

Таким образом, просторечная лексика на современном этапе развития языка пополняется за счёт актуализации экспрессивных метафорических и жаргонных значений литературных лексем. О степени распространения

просторечных значений слова в речи можно судить, ориентируясь на данные Национального корпуса русского языка. Лексемы *козёл*, *подохнуть*, *жрать*, *ржать*, *достать* и подобные им уже не воспринимаются как литературные, поскольку в них наблюдается перераспределение активности нейтрального и экспрессивного значений. Кроме того, очевидна тенденция

к усилению процессов десемантизации просторечных глаголов, которые, обозначая действия энергичные, резкие, в речи могут формировать новые, неожиданные значения, что обусловлено развитием экспрессивных возможностей современного русского языка.

Статья поступила в редакцию 23.08.2018 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ерёмин А.Н. Проблемы лексической семантики русского просторечия: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2001. 58 с.
2. Квеселевич Д.И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка: ок. 16000 слов. М.: АСТ: Астрель, 2005. 1021 с.
3. Коняхина О.В. Контекстуально обусловленные лексические средства негативной характеристики человека: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2005. 26 с.
4. Леденёва В.В. Особенности идиолекта Н.С. Лескова. М.: Московский государственный университет, 2000. 185 с.
5. Мандрикова Г.М. Слово в процессе десемантизации // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. № 2. С. 68–73.
6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorgo.ru> (дата обращения: 15.08.2017).
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
8. Радбиль Т.Б., Маринова Е.В., Рацибурская Л.В. и др. Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст: Коллективная монография. Нижний Новгород: Издательство Национального исследовательского Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского, 2014. 325 с.
9. Сулименко Н.Е. Современный русский язык. Слово в курсе лексикологии: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2006. 352 с.
10. Фатюшина Е.Ю., Семина О.Ю. Зоонимические метафоры со значением отрицательной оценки человека в речи билингвов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. №12. Ч. 2. С. 156–159.
11. Филин Ф.П. О структуре современного русского литературного языка // Вопросы языкознания. 1973. № 2. С. 3–12.
12. Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. 764 с.
13. Химик В.В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2000. 272 с.
14. Холодкова М.В. Проблема десемантизации глагольной лексики // Экология языка и речи: материалы Международной научной конференции (12–13 ноября 2013 г.) / отв. ред. А.С. Щербак. Тамбов: Издательский дом Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина. 2014. С. 56–58.
15. Холодкова М.В. Функционально-стилистическая квалификация просторечной лек-

- сики в современных словарях // XIII Державинские чтения. Институт русской филологии: Материалы научной конференции преподавателей и аспирантов, посвящённой 265-летию со дня рождения Г.Р. Державина. Февраль 2008 г. Тамбов, 2008. С. 171–173.
16. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка: Происхождение слов. М.: Дрофа, 2001. 400 с.
17. Шапошников В.Н. Просторечие в системе русского языка на современном этапе. М.: Либроком, 2012. 176 с.

REFERENCES

1. Eremin A.N. Problemy leksicheskoi semantiki russkogo prostorechiya: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk [Problems of lexical semantics of the Russian colloquial speech: abstract of D. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2001. 58 p.
2. Kvesevich D.I. Tolkovyi slovar' nenormativnoi leksiki russkogo yazyka: ok. 16000 slov [Explanatory dictionary of the profanity of the Russian language: approx. 16,000 words]. Moscow, AST, Astrel' Publ., 2005. 1021 p.
3. Konyakhina O.V. Kontekstual'no obuslovlennyye leksicheskie sredstva negativnoi kharakteristiki cheloveka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Contextually conditioned lexical means of negative characterization of a person: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Tambov, 2005. 26 p.
4. Ledeneva V.V. Osobennosti idiolekta N.S. Leskova [Features of idiolect of N. Leskov]. Moscow, Moscow Pedagogical University Publ., 2000. 185 p.
5. Mandrikova G.M. [The word in the desemantization process]. In: Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: "History and Philology"]. 2015, vol. 14, no. 2, pp. 68–73.
6. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [National corpus of the Russian language]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed: 15.08.2017).
7. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1997. 944 p.
8. Radbil' T.B., Marinova E.V., Ratsiburskaya L.V., et al. Russkii yazyk nachala XXI veka: leksika, slovoobrazovanie, grammatika, tekst [Russian language of the early twenty-first century: vocabulary, word formation, grammar, text]. Nizhny Novgorod, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod Publ., 2014. 325 p.
9. Sulimenko N.E. Sovremennyyi russkii yazyk. Slovo v kurse leksikologii [Modern Russian language. The word in lexicology]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2006. 352 p.
10. Fatyushina E.Yu., Semina O.Yu. [Zoonymic metaphors with the meaning of negative evaluation of a man in bilinguals' speech]. In: Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2017, no. 12, iss. 2, pp. 156–159.
11. Filin F.P. [On the structure of the modern Russian literary language]. In: Voprosy yazykoznaniiya [Topics in the study of language], 1973, no. 2, pp. 3–12.
12. Khimik V.V. Bol'shoi slovar' russkoi razgovornoi ekspressivnoi rechi [A large dictionary of Russian colloquial expressive speech]. St. Petersburg, Norint Publ., 2004. 764 p.
13. Khimik V.V. Poetika nizkogo, ili Prostorechie kak kul'turnyi fenomen [Poetics of low, or colloquial speech as a cultural phenomenon]. St. Petersburg, Faculty of Philology of St. Petersburg State University Publ., 2000. 272 p.
14. Kholodkova M.V. [The problem of desemantization of the verb vocabulary]. In: Ekologiya yazyka i rechi: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (12–13 noyabrya 2013 g.) [Ecology of language and speech: proceedings of the International scientific conference

- (12–13 November 2013)]. Tambov, Publishing house of Derzhavin Tambov State University, 2014. pp. 56–58.
15. Kholodkova M.V. [Functional and stylistic qualification of colloquial speech in modern dictionaries]. In: XIII Derzhavinskie chteniya. Institut russkoi filologii: Materialy nauchnoi konferentsii prepodavatelei i aspirantov, posvyashchennoi 265-letiyu so dnya rozhdeniya G.R. Derzhavina. Fevral' 2008 g. [13 Derzhavin reading. Institute of Russian Philology: materials of the scientific conference of teachers and postgraduate students, devoted to the 265 anniversary of the birth of G. Derzhavin. February 2008]. Tambov, 2008. pp. 171–173.
16. Shanskii N.M., Bobrova T.A. Shkoľnyi etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: Proiskhozhdenie slov [The school etymological dictionary of the Russian language: the origin of the words]. Moscow, Drofa Publ., 2001. 400 p.
17. Shaposhnikov V.N. Prostorechie v sisteme russkogo yazyka na sovremennom etape [The colloquial speech in the system of the Russian language at the modern stage]. Moscow, Librokom Publ., 2012. 176 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Холодкова Марина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина;
e-mail: mvholodkova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina V. Kholodkova – PhD in Philological Science, associate professor at the Department of Russian Language as Foreign, Derzhavin Tambov State University;
e-mail: mvholodkova@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Холодкова М.В. Функционально-семантическая специфика просторечной лексики в современном русском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 130–138.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-130-138

FOR CITATION

Kholodkova M.V. Functional-semantic specificity of the colloquial vocabulary in the modern Russian language. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 5, pp. 130–138.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-130-138